

**ПЕРФОРМАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ИНТЕРПРЕТАТИВНОГО ОПЫТА: К ПРОБЛЕМЕ
«АКТУАЛИЗИРУЮЩЕГО ПРОЧТЕНИЯ»
ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ¹**

Илья Инишев*

Abstract

We offer to reformulate the global question about the relation between philosophical investigation and (actualizing) interpretation of philosophical tradition into the local question about constitutive conditions of the reading and writing which make up a medium of philosophizing. Moving in this direction we hope to show that problem of actualizing reading is formulated incorrect. Our main thesis is that every act of reading and writing – especially philosophical one – is characterized by so-called performative-creative aspect.

Keywords: interpretation, philosophical tradition, reading, performative dimension, life-world experience.

1.

Как известно, соотношение исторической и систематической перспектив в философии заметно отличается от такового в других «отраслях знания». Для философии её история зачастую и есть главный – систематический – предмет исследований. Во всяком случае, так обстоят дела в континентальной философской традиции начиная с Немецкого идеализма. Причина этого – осуществлённое в кантовском «критицизме» обособление совпадения контуров познающего сознания с контурами познаваемого мира и последующая, иницированная послекантовской философией, историзация генезиса этого совпадения. Что касается специфики постсоветской русскоязычной философии, то к этому – «глобальному» – основанию добавляется своя – «локальная» – особенность. Речь идёт о той исключительно рецептивной позиции, в которой русскоязычная философия оказалась в 1990-е гг. Перед ней стояла задача восприятия прежде недоступной новейшей философской традиции Запада в максимально короткие сроки. Реакцией на этот хаотичный и, возможно, поэтому не вполне успешный процесс рецепции современного западноевропейского и американского фило-

---

* Илья Инишев – доцент департамента философии Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва); inishev@gmail.com.

софствования явилось возникновение стойкого и, несомненно, оправданного ощущения вторичности русскоязычной философии не только постсоветского, но и всего послереволюционного периода. Одной из сублимированных форм этого ощущения вторичности и является проблема соотношения философии и традиции, ставшая перманентно актуальной, если угодно хронической, для философских сообществ русскоязычного культурного ареала. Навязчивый контраст между систематическим и историческим отношением к философии сегодня нередко пытаются сгладить посредством дифференциации интерпретативных подходов, отличая творческое, или «актуализирующее», прочтение от архивной установки истории философии. В этом отношении «актуализирующее прочтение» – это своего рода промежуточная позиция, если угодно – интерфейс, объединяющий философскую традицию и современность, актуальное и ретроспективное философствование, философию и историю философии, западноевропейское и русскоязычное философствование.

Итак, выражение «актуальное (актуализирующее) прочтение» играет заметную роль в метафилософских размышлениях современных русскоязычных авторов. Об этом свидетельствует и выбор темы сегодняшнего мероприятия, поддержанный большинством участников проекта «Практический поворот: современная философия в университете и за его пределами».² Поскольку это выражение с самого начала показалось нам небезупречным – и, прежде всего, с семантической точки зрения, – мы хотели бы предложить что-то наподобие краткого анализа грамматики выражения «актуальное прочтение», анализа грамматики в стиле позднего Витгенштейна.

«Грамматический анализ» у Витгенштейна, как известно, нацелен на выявление языкового значения и подразумевает описание способов и контекстов употребления словесных выражений. «Грамматика» для Витгенштейна – это имплицитная прагматическая логика конкретной языковой игры. Основная задача нижеследующих рассуждений – показать, что если словосочетание «актуальное/актуализирующее прочтение» и может быть признано осмысленным, то только в узких пределах, в которые специфически философская перспектива отношения к традиции едва ли может вписаться.

Эти пределы, как нам кажется, обусловлены различием буквального и – по выражению Витгенштейна – «дегенеративного» словопользования. В рамках системы координат, задаваемой данным различием, словосочетание «актуальное прочтение» обладает лишь ограниченной осмысленностью, проистекающей из «дегенеративного» характера слова «прочтение». (Прочтение в этом случае – это синоним интерпретации.) Ограниченная осмысленность здесь означает, что выражение предполагает не столько дескриптивное, сколько метафорическое, или риторическое, использование. Вместе с тем – и в этом наш тезис – анализ именно *фактических* практик чтения способен внести существенный вклад в ней-

трализацию его риторической силы. Нейтрализация этой силы вынуждает язык – по выражению Витгенштейна – перестать «праздновать» и начать «работать».

Примечательно, что наиболее активно выражение «актуальное прочтение» используется в контексте транзитивных, или перформативных, форм искусства, главным образом в сфере музыки и театра, т. е. в контексте деятельности, не имеющей явного языкового или, во всяком случае, литературного характера.

2.

Таким образом, именно метафорическое, или, по выражению Витгенштейна, «дегенеративное» словоупотребление диктует, в каких случаях и в каком объёме проблему «актуализирующего прочтения» *можно* признать осмысленной. Общую перспективу, в которую можно поместить все случаи «ограниченной осмысленности», я назову «историко-педагогической».

К разряду относительно осмысленных случаев употребления выражения «актуализирующее прочтение» относится, прежде всего, преподавание философии в русскоязычном культурном пространстве. Здесь это выражение не столько интенсивно используется, сколько служит имплицитным ориентиром и формулой для всего процесса подготовки «профессиональных философов». Преподавание философии в нашем культурном ареале, как правило, выполняет одновременно две задачи: интегративную и апологетическую. Изучение западноевропейского философствования (а другого, строго говоря, не существует) по-прежнему заключает в себе момент своеобразной инициации, который связан с необходимостью интеграции в остающийся чужеродным стиль мышления, а следовательно, с необходимостью обоснования – апологии – подобного шага. Ситуация усугубляется тем, что интеграция в западноевропейские контексты грозит стать перманентной, в результате чего «ретроспективность» и, соответственно, подчинённое положение русскоязычного философствования обретают – а возможно, уже давно обрели – институциональные формы.

Другим аспектом, мотивирующим метафорическое употребление выражения «актуализирующее прочтение», является представление о философской традиции как малопроницаемом монолите. Это представление, с одной стороны, проистекает из ставшей уже почти непреодолимой «отчуждённости» постсоветского философствования, а с другой стороны, исподволь её стимулирует и углубляет.

3.

Историко-педагогической перспективе, соответственно, дегенеративному словоупотреблению противопоставляется систематическая перспектива, характеризующаяся «рабочим» мо-

дусом языка. В рамках этой перспективы проблема «актуального прочтения» философской традиции выглядит если и не бессмысленной, то, по крайней мере, надуманной. Для подобного утверждения имеется несколько оснований.

Во-первых, возможный способ отношения к философской традиции, очевидно, зависит от способа философствования. В этом случае мы вполне можем применить к философии то, что Витгенштейн утверждал в своих поздних работах касательно языка: отношение, которое связывает различные типы философствования, позволяя использовать для их обозначения одно и то же слово, – это не отношение сущностного *тождества*, а отношение семейного *сходства*. Тем самым, нет ничего неожиданного в том, что существует такой тип философствования, для которого «прочтение традиции» не составляет части его тематического спектра. Самый яркий пример этого – аналитическая философия во всех трёх её ипостасях (философии языка, философии сознания и эпистемологии).

Но, с другой стороны, имеются и такие разновидности философствования, для которых обращение к традиции, соответственно, «прочтение её» представляют собой структурный компонент «актуального», или, как выражались прежде, «систематического» исследования. Для таких философий специальная «актуализация традиции», или история философия как отдельная дисциплина, предстает вторичным предприятием, поскольку «философская традиция» носит здесь не только предметный и фоновый, но и, если угодно, медиальный и перформативный характер. В последнем случае она дана лишь как своего рода шлейф исполнения систематического и централизованного на современности исследования. Можно выделить два идеальных типа такого философствования. Первый из них – мегафилософские концепции, к которым можно причислить Немецкий идеализм и позднего Хайдеггера. Второй – инфрафилософские концепции, репрезентантами которых являются герменевтика и прагматизм. В «мегафилософии» традиция понимается в перспективе трансцендентальной истории. При этом под историей подразумевается не (онтическая) история отдельных явлений, а (онтологическая) история самой явленности. В «инфрафилософии» традиция трактуется в качестве принципиально необъективируемого ресурса любого опыта и любого высказывания. В обоих случаях традиция обнаруживает себя косвенно, или опосредованно (высказывания об объекте говорят не столько об объекте, сколько о субъекте высказывания). Однако эта опосредованность оборачивается парадоксальным образом подлинной непосредственностью, какая только и может характеризовать *самообнаружение* традиции. Впечатление парадоксальности проистекает здесь из реифицирующей трактовки традиции, которая в свою очередь базируется на онтологическом (т. е. априорно дифференцирующем – а стало быть, объективирующем – различные регионы сущего) разделении природы и культуры. Традиция в «мега»- и «инфрафилософских» теориях, являющихся наследницами трансцен-

дентализма, – это не столько наличный фонд «данностей», сколько недифференцированный ресурс и необъективируемый медиум, артикуляция которого требует всякий раз активации, т. е. обладает перформативным характером.

Поскольку так понимаемая традиция не может быть объектом прямого воздействия, то и «активация традиции» – никогда не прямой, а только косвенный эффект радикального исследования, ориентированного на современность, актуальные, или систематические, проблемы. Радикальность при этом понимается недраматическим образом. Она подразумевает не экзистенциальный, а «лишь» эпистемологический риск, который, как известно, характерен для любого исследования. Активация ресурсов традиции неразрывно связана с уровнем, направленностью и интенсивностью «систематического исследования». То есть степень непосредственности контакта с традицией соответствует степени его косвенности. Традиция обнаруживает «себя самое» лишь тогда, когда она «задействуется» как *нетематический* ресурс при разработке философски релевантной проблематики. При этом обращение к традиции как к ресурсу не следует трактовать активистски: традиция здесь не столько объект, сколько субъект действия. Контакт с ней – не только *предпосылка*, но и *результат* систематически ориентированного философского исследования.

В перспективе этих двух типов философствования проблема особого «актуального прочтения» «наличной» философской традиции выглядит скорее как тревожный симптом, сигнализирующий об известной деградации философского исследования. Оба эти типа философствования отличаются тем, что отношение к традиции здесь основывается на интерпретации, которая – в отличие от значения этого слова в транзиторных искусствах – представляет собой форму контакта с языковыми феноменами. Таким образом, в выражении «актуальное/актуализирующее прочтение» семантика слова «прочтение» оказывается тождественной значению слова «интерпретация», используемого в «несобственных» контекстах, т. е. метафорически. В заключение мы попытаемся изменить перспективу, взглянув на «интерпретацию» с точки зрения «чтения».

4.

Итак, нам остаётся сделать ещё один шаг на пути «грамматического анализа», нацеленного на последовательную «натурализацию» понятия прочтения. Эта «натурализация» в свою очередь преследует цель показать, что применительно к интерпретации философских текстов выражение «актуализирующее прочтение» является плеоназмом. И хотя в наших последних рассуждениях понятие прочтения используется уже не в метафорическом смысле, оно пока ещё достаточно далеко и от своего буквального значения.

Однако, поскольку в отличие от транзиторных искусств, философия имеет дело с *эксплицитными* формами речи, переход от

метафорической трактовки чтения к буквальному, или эмпирическому, его пониманию представляется вполне обоснованным и даже необходимым. Другими словами, представляется необходимым переход от дегенеративного, или метафорического, словоупотребления к «рабочему», или прагматически фундированному, словоупотреблению: от *прочтения* к *чтению*.

Тем самым несколько меняется и методологический режим нашего схематичного анализа. Поскольку речь теперь идёт не о понятии и его значении, а об опыте и его структурных характеристиках, в дальнейшем мы вынуждены прибегнуть к феноменологической методологической стратегии, временно отказавшись от дискурсивного способа действий. При этом следует отметить известную диспропорцию между глобальностью выводов, нами отстаиваемых, и локальностью эмпирического базиса, на котором эти выводы основываются. Согласно общераспространённому представлению, опыт чтения – и, соответственно, опыт письма – лишён самостоятельного значения и являет собой скорее прагматически мотивированную операционализацию философского мышления, масштабы которого, тем не менее, не позволяют структурно его связать с каким бы то ни было информационным медиумом.

Мы же придерживаемся той точки зрения, согласно которой опыт чтения обладает одной важной характерной чертой, возможно, отличающей его от других форм опыта. Опыт, или, по выражению Изера, «акт» чтения представляет собой разновидность трансгрессии. Он всякий раз выходит за пределы временных и пространственных обстоятельств своего осуществления, активируя при этом не всегда явные предметные содержания и производя новые. С точки зрения таких феноменологически инспирированных теоретиков литературы, как Ингарден и Изер, содержания, перманентно формирующиеся в процессе чтения, – а следовательно, и сам этот процесс – не могут быть локализованы ни в «субъективности» читающего, ни в «объективности» текста.³ Они обладают *собственной* топикой, которая генерируется процессом чтения и одновременно заключает этот процесс в себе. Тем самым процесс чтения – в отличие от большинства форм процессуальности и активизма – не есть нечто приходящее и несамостоятельное, т. е. *транзиторное*. Будучи ограниченным во времени, он, тем не менее, представляет собой особую форму «пребывания», изоморфную изначальной форме опыта мира. С той только разницей, что здесь этот изначальный опыт мира становится *эксплицитным* во взаимосвязи всех своих базовых аспектов: содержательного, топического и исполнительного.⁴ Иными словами, в отличие от других – «внутримировых» – форм опыта, таких как восприятие, манипулирование, интеракция, опыт чтения характеризуется перформативностью. Он не только разворачивается в «готовом» предметном контексте, но всякий раз инсценирует, т. е. выводит на сцену, свой собственный, который вместе с тем оборачивается «эминентной» формой «жизненно-мирового» опыта.

Таким образом, опыт чтения в нашей связи – это своеобразный «эмпирический пример», обладающий «генерализирующим» эффектом: он не столько иллюстрирует частное, сколько генерирует целое. Важно отметить, что в случае опыта чтения – и, соответственно, письма – речь идёт о «подлинном опыте» (Гадамер), характеризующемся негативностью, или событийностью. В нём трансформируется не только модус данности внутримировых содержаний, но и самосознание «субъекта» этого опыта. Это означает, что «субъект» в этом случае не столько предпринимает что-либо, сколько претерпевает. Ингарден и Изер говорят в этой связи о «впутанности» в опыт чтения. Примечательно, что «впутанностью в истории» характеризуется и наш основывающийся на восприятии жизненно-мировой опыт, что служит лишним подтверждением и одновременно разъяснением тезиса об изоморфизме восприятия и чтения.⁵ Подобно перцептивному опыту, чтение представляет собой взаимосвязь пассивности и активности, коммуникации и презентации.

Важно также подчеркнуть, что вышеописанной креативностью характеризуются отнюдь не «специальные» – например, основывающиеся на особой методике, – формы чтения и письма. Напротив, это – характерная черта «нормальных» режимов этого опыта. При этом «нормальность» не тождественна непритязательности и массовости. Речь идёт о таких формах письменности, которые хотя и принадлежат повседневному «кругу чтения», обладают известной экстраординарностью – в том числе и для «усредненного» самосознания. Они не просто составляют верхнюю часть спектра повседневного опыта. Скорее они – своего рода «идеальное в реальном», другими словами – внутренняя возможность любого типа чтения и письменности, задающая вектор и телеологию его собственной реализации. Приближаться к идеальному здесь означает становиться реальнее. Гадамер, например, называет подобную литературу «идеальными», или «эминентными», текстами, относя к их числу философские тексты, но в первую очередь – лирику. Специфика текстов этого рода заключается в том, что чем больше степень их автономности, тем эксплицитнее опыт жизненного мира, который они *презентируют*. Автономность при этом – и, соответственно, эминентность – означают, по Гадамеру, высшую степень «текстирования» (Textierung), которое подразумевает холистическую переплетённость – вплоть до неразличимости – языкового и неязыкового, исполнения опыта чтения и присутствия внутримировых содержаний, на которые этот опыт «направлен». Таким образом, чтение «эминентных» текстов, будучи «подлинным опытом», представляет собой своего рода «пассивное действие» или «спонтанную активацию». Оно – не дешифровка или разряжение, а, напротив, уплотнение и пролиферация текста, что следует рассматривать не как (вторичную) *репрезентацию* протофилософского жизненно-мирового опыта, а как такую степень его концентрации, которая оборачивается его (первичной) манифестацией.

Это возможно, конечно, лишь при «понимающем» чтении, то есть таком, которое представляет собой определённую форму видения, структурированную языковым медиумом и нацеленную на самообнаружение жизненно-мировых содержаний и самого жизненного мира. Иными словами, чтение и письмо эминентных текстов – поэтических и философских – и есть подлинный модус «философствования». Но тогда о каком ещё «актуализирующем прочтении» может идти речь?

Примечания

- ¹ Статья представляет собой переработанный текст доклада, прочитанного в рамках *Дней Санкт-Петербургской философии 2008*.
- ² Конференция «Актуальное прочтение философской традиции» в рамках *Дней Санкт-Петербургской философии 2008*.
- ³ Ingarden R. *Das literarische Kunstwerk*. Tübingen: Max Niemeyer, 1960; Iser W. *Der Akt des Lesens. Theorie ästhetischer Wirkung*. München: Wilhelm Fink, 1994.
- ⁴ Iser W. The Reading Process: A Phenomenological Approach // *New Literary History*. 1972. Vol. 3, № 2. On Interpretation: 1 (Winter). P. 286.
- ⁵ Schapp W. *In Geschichte verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding*. Frankfurt/M.: Vittorio Klostermann, 1985.